

РЕЦЕНЗИИ

УДК / UDC 24.322

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-399-407

Рец.: Гарри И. Р., Сабиров Р. Т., Цыремпилов Н. В., Родионов В. А., Дондуков Б. Ц., Дрейфус Дж., Вэйжун Ш., Эльверског Й., Бернштейн А. Буддизм и национализм во Внутренней Азии. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2021. xii+324 с.

*Владислав Игоревич Терентьев*¹

¹ независимый исследователь (21–24, 1-й мкр., район Баянзурх, 13380 Улан-Батор, Монголия)

кандидат исторических наук

 0000-0003-1258-6865. E-mail: vlad33@bk.ru

Для цитирования: Терентьев В. И. Рец.: Гарри И. Р., Сабиров Р. Т., Цыремпилов Н. В., Родионов В. А., Дондуков Б. Ц., Дрейфус Дж., Вэйжун Ш., Эльверског Й., Бернштейн А. Буддизм и национализм во Внутренней Азии. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2021. xii+324 с. // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 399–407. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-399-407

Book review: Garri I. R., Sabirov R. T., Tsyrempilov N. V., Rodionov V. A., Dondukov B. Ts., Dreyfus G., Weirong Sh., Elverskog J., Bernstein A. Buddhism and Nationalism in Inner Asia. Ulan-Ude: Buryad-Mongol Nom, 2021. xii+324 p.

*Vladislav I. Terentyev*¹

¹ Independent researcher (21–24, 1 Khoroo, Bayanzürkh District, 13380 Ulaanbaatar, Mongolia)

Cand. Sc. (History)

 0000-0003-1258-6865. E-mail: vlad33@bk.ru

For citation: Book review: Garri I. R., Sabirov R. T., Tsyrempilov N. V., Rodionov V. A., Dondukov B. Ts., Dreyfus G., Weirong Sh., Elverskog J., Bernstein A. Buddhism and Nationalism in Inner Asia. Ulan-Ude: Buryad-Mongol Nom, 2021. xii+324 p. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(2): 399–407. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-399-407

Про выход в свет рецензируемой монографии с чрезвычайно интересным названием мне стало известно исключительно благодаря блогу «Степь: шаг

за шагом», который старательно ведет известный монголовед-буддолог, историк, доцент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета Р. Т. Сабилов. Я незамедлительно обратился к нему с вопросом о возможности приобретения издания, одним из авторов которого и является Рустам Тагирович. Прежде чем попасть мне в руки, книга проделала долгий путь с моими друзьями, которые любезно согласились забрать монографию в Москве через курьера от соавтора, далее по почте переправить ее в другой город, откуда она уже непосредственно в чемодане моего друга самолетом и автобусом проследовала в Улан-Батор, где, пробыв в карантине вместе с ее сопровождавшим положенные две недели, была вручена мне.

Монография продолжает исследования авторов по теме (см., например: [Гарри 2020a] и подборку статей в журнале «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» [Государство 2020]).

В целом основная цель работы российско-казахстанско¹-американо-китайского коллектива авторов, состоящего из девяти человек, ясна из емкого названия, которое ставит практически не разработанную тему специфики взаимоотношения буддизма и национализма в рассматриваемом регионе. Целый ряд теоретико-методологических вопросов снимается сразу, благодаря тому, что авторы во введении обозначили понимание территориальных границ Внутренней Азии (Монголия, Синьцзян, Тибет, Автономный район Внутренняя Монголия КНР и российские республики Калмыкия, Тува, Бурятия), а также основные методологические подходы, в том числе геллеровскую трактовку национализма и андерсоновский конструктивизм и его же концепцию «воображаемых сообществ». Кроме того, предвосхищая некоторые вопросы, И. Р. Гарри, Р. Т. Сабилов и Н. В. Цыремпилов в вводной части отметили, что не ставят задачу осветить всю Внутреннюю Азию, сконцентрировавшись «на трех репрезентативных регионах» [Гарри и др. 2021: 3].

Введение заканчивается описанием истории распространения буддизма на изучаемой территории вообще и в контексте зарождения национализма и общим ознакомлением с содержанием исследования. Примечательно, что в книге, выпущенной в год официального (но далеко не бесспорного) празднования «100-летия установления российско-монгольских отношений», отмечается история отправления Богдо-гэгэном VIII посольства в Россию в 1900 г. [Гарри и др. 2021: 17], что наглядно демонстрирует наличие дипломатических связей хронологически более продолжительных².

Структурно работа состоит из трех частей, каждая из которых посвящена Тибету, Монголии и Бурятии. В тибетском разделе содержится три условно называемых мной главы, первая из которых является переводом статьи профессора университета Уильямса (США) Дж. Дрейфуса, опубликованной

¹ Обозначаю бурятского историка-религиоведа, профессора Н. В. Цыремпилова как казахстанского автора по причине его актуального места работы в Назарбаев университете Республики Казахстан.

² В этом же году в России вышла еще одна книга [Монголия в трудах 2021], приуроченная к 160-летию Генерального консульства России в Монголии, которая этой припиской словно подтверждает существование «не-столетнего» дискурса в изучении российско-монгольских отношений, видящего связи двух стран, не ограниченные одним веком.

в 2005 г. Американский исследователь дискутирует с другим широко известным в мире буддологии своим соотечественником Д. Лопесом, высказавшим в книге 1998 г. «Узники Шангрилы: Тибетский буддизм и Запад» идею, согласно которой «Тибет был долгое время объектом западных фантазий, и именно благодаря этому объясняется его особое влияние на современный Запад», т. е. Тибет является «конструктом, мифической киберреальностью, созданной западными людьми для самих себя» [Гарри и др. 2021: 30]. Но Дж. Дрейфус критически рассматривает «экстраординарное заявление» [Гарри и др. 2021: 31] Д. Лопеса: «Все мы являемся узниками Шангрилы».

Последовательно анализируя буддийский модернизм, тибетский религиозный национализм, мысли Далай-ламы XIV, озвученные им в контексте указанных тем, а также ориентализм в целом, Дж. Дрейфус приходит к выводу, что взгляды Далай-ламы XIV, в отдельных случаях хоть и носящие «отпечаток западных фантазий о Тибете как об особом неземном месте» [Гарри и др. 2021: 53–54], по сути, являются гибридными созданиями, возникающими «в процессе глобального культурного обмена» [Гарри и др. 2021: 54], как и истоки тибетского национализма. Само же «совершенно точное описание Тибета — неосуществимая мечта» [Гарри и др. 2021: 56]. Последнее утверждение можно применить к любому из регионов Востока, усиленно воображаемых/изучаемых Западом.

В следующей главе за авторством профессора университета Цинхуа (КНР) Ш. Вэйжуна продолжается (де-)ориенталистский дискурс в ходе поиска автором ответа на вопросы, обозначенные все в той же монографии Д. Лопеса, но уже спустя более чем 20 лет с момента ее издания. Китайский исследователь, более подробно излагая позицию Д. Лопеса, подходит к проблеме как инсайдер и обозначает в качестве новой большой группы «узников Шангрилы» самих граждан КНР, аналогично с европейцами, конструирующих и воображающих Тибет, теперь с позиции «внутреннего ориентализма».

Ш. Вэйжун констатирует: «Шангрила и тибетская горячка в сегодняшнем Китае давным-давно обогнали Запад» [Гарри и др. 2021: 73]. В конце главы исследователь отмечает усиливающуюся в последнее время тенденцию к контрпродуктивному «культурному консерватизму», когда чрезмерно подчеркивается, «что люди извне не в состоянии понять их (в данном случае тибетцев. — В. Т.) уникальную культурную традицию» [Гарри и др. 2021: 85]. Стоит сказать, что подобный подход к исследованиям иногда встречается и в российском, и в монгольском не только повседневном, но и академическом дискурсах, что является проявлением национализма иного порядка.

Заключительная глава тибетского блока написана ответственным редактором издания, ведущим научным сотрудником Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН И. Р. Гарри, к слову, ей также принадлежит перевод двух предыдущих текстов и одной из глав раздела, посвященного Бурятии. И. Р. Гарри, дополнив и переработав одну из своих недавних статей [Гарри 2020б], исторически подробно обозначает истоки тибетского национализма, начиная от культа Авалокитешвары — его «иконы» [Гарри и др. 2021: 90, 113], воплощенного в институте Далай-лам.

Монгольская часть открывается отличным переводом младшего научного сотрудника Института востоковедения РАН Я. Д. Леман довольно известной статьи американского антрополога Й. Эльверскога 2006 г. о двух буддизмах, традиционном/тибетском и современном/монгольском в этой стране в контексте рассуждений на тему дихотомии «этнический/обращенный» буддизм [Гарри и др. 2021: 117].

Знаковое и обильно цитируемое исследование в незначительной степени оттеняется отдельными эмоционально окрашенными утверждениями, когда «история реформы письменности в Монголии» обозначается как «грустная» [Гарри и др. 2021: 132]. Некоторая неясность заметна в расширении временных рамок «жестоких коммунистических чисток» [Гарри и др. 2021: 125] до 1930–1940-х гг. Репрессии проходили, скорее, в конце 1930-х гг. Кроме этого, не конкретизируется реальность вскользь упомянутых «возросших гонений на христиан и мусульман в Монголии» [Гарри и др. 2021: 125]. Последнее утверждение не соотносится с действительностью даже начала 2000-х гг., поскольку в этом месте текста американский исследователь ссылается на свою публикацию 2001 г.

В следующей главе роль буддизма в монгольском нациестроительстве освещает Р. Т. Сабиров. Справедливо отмечая, что при социализме произошла не только «фольклоризация религии», но и оформилось «представление об обладании идентичностью» [Гарри и др. 2021: 150], автор прогнозирует будущее развитие буддизма и его потенциальную возможность стать «идеологическим основанием национализма» в стране, «где националистические настроения сильны» [Гарри и др. 2021: 167].

В заключительной «монгольской главе» доцент кафедры истории и регионоведения Бурятского государственного университета В. А. Родионов рассматривает проблемы, вызванные визитами Далай-ламы XIV в страну степей. Автор значительно расширяет выводы, к которым он пришел в одной из предыдущих работ [Родионов 2017], отмечая, что в современном монгольском обществе существует две позиции, с которых направлена критика на официальное отношение КНР к визитам буддийского иерарха. Первая связана с либеральной идеей права на вероисповедование, вторая — с представлениями о «покушении на национальную религию» со стороны Китая [Гарри и др. 2021: 185].

Третья часть монографии, посвященная Бурятии, состоит из четырех глав, в первой из которых профессор Назарбаев университета Н. В. Цыремпилов излагает оригинальную концепцию зарождения обновленческой идеи в бурятском буддизме.

Исследователь четко обозначает свой теоретический подход, выстроенный с опорой на мнение арабо-американского антрополога Т. Асада, согласно которому невозможно выработать универсальное определение религии, понятие о которой «тесно связано с христианством» и является, вероятнее, «продуктом дискурсивных процессов» [Гарри и др. 2021: 191]. Исходя из этого, автор утверждает, что «буддизм является абстрактным конструктом, созданным в XIX в. группой западноевропейских востоковедов-текстологов» [Гарри и др. 2021: 192].

В повествовании о знакомстве «русских завоевателей»³ с тибетским буддизмом в Забайкалье в XVII в. автор использует название «Московская Русь» [Гарри и др. 2021: 194], хотя более уместным был бы один из устоявшихся в историографии и употребляемых в источниках того времени вариант: Русское/Российское/Московское государство/царство. Обозначение 1721 г. как даты создания Московского патриархата [Гарри и др. 2021: 195], а не его фактического упразднения неверно. Само же создание конфессионального государства [Гарри и др. 2021: 195], по моему мнению, началось не в указанный год, но сразу с установления христианства князем Владимиром Святославовичем в качестве государственной религии.

Н. В. Цыремпилов убедительно показывает, как «ламаиты» получили официальный статус конфессиональной группы и, благодаря работе архиепископа Нила (Исааковича), были признаны не представителями «языческого идолопоклонства» со всеми вытекающими из этого негативными коннотациями, а буддизма [Гарри и др. 2021: 202].

В итоге, согласно исследователю, «бурятский буддийский реформизм... является результатом сложного процесса колониальной реинтерпретации буддизма» [Гарри и др. 2021: 206] и «представляется результатом предшествовавшей эволюции колониального понимания „ламайской веры“ (т. е. понимания, навязанного буддистам православным миссионерством и европейской буддологией) и попытками ее нормализовать» [Гарри и др. 2021: 209].

Отличительной особенностью следующей главы, написанной профессором Гарвардского университета Аней Бернштейн, является не только то, что она представляется самой объемной из всех глав, но и наличие в ней значительного количества терминологии, не имеющей столь широкого хождения в отечественной антропологической науке («агентность», «гео-воображенные образования», «дистрибутивная самость», «оппозиционная практика времени»). Глава является переводом И. Р. Гарри части монографии А. Бернштейн 2013 г., опубликованной по материалам докторской диссертации. В тексте рассматривается то, как открытие религиозных сокровищ буддистов в постсоциалистической Бурятии (тело Хамбо-ламы Итигэлова, руины разрушенных монастырей, тексты, статуэтки и т. д.) явило собой случай создания «обновленных космологий времени и пространства» [Гарри и др. 2021: 215] в регионе.

Эти сокровища становились основанием воплощения идеи о культурном суверенитете «как внутри Российской Федерации, так и в транснациональном мире тибетского буддизма» [Гарри и др. 2021: 247].

Сами собеседники А. Бернштейн видят в этом процессе сходство со средневековым возрождением буддизма в Тибете [Гарри и др. 2021: 221]. Мысль автора о том, что «центр притяжения буддизма переходит на север в Бурятию и Монголию» [Гарри и др. 2021: 220] перекликается с уже высказанными на этот счет аналогичными соображениями Р. Т. Сабирова [Сабиров 2012], что только дополняет мое предположение о наличии безусловного единства взгля-

³ Данную неоднозначную характеристику русских первопроходцев как завоевателей, используемую Н. В. Цыремпиловым, сегодня сложно рассматривать в отрыве от высокой степени политизированности, наполнившей собой дискуссию по вопросу освоения-покорения-завоевания-присоединения Сибири.

дов у соавторов по конкретным вопросам, ставшим предметом рецензируемого исследования.

Следующая глава представляет собой переработанный текст статьи Р. Т. Сабирова [Сабиров 2018]. В ней автор рассматривает историю и современное состояние отсутствия института перерождений — тулку — в России. Автор констатирует, что «в настоящее время в России отсутствуют какие-то серьезные препятствия для появления института тулку», предполагая, что в будущем в стране возможно укоренение линий перерождения двух буддийских иерархов [Гарри и др. 2021: 267].

Завершает раздел старший научный сотрудник ВСГУТУ Б. Ц. Дондуков с главой, посвященной рассмотрению в жизни буддистов и буддизма роли электронных петиций, направленных руководству государства в связи с депортацией тибетского буддийского учителя Шивалха Ринпоче и его помощника из России (2 759 подписей [Гарри и др. 2021: 278]) и распространением в стране «Будда-баров» (7 500 подписей [Гарри и др. 2021: 283]). Интересно, что Б. Ц. Дондуков вскрывает возможные причины отказа буддийского духовенства от поддержки мирян в деле подачи петиций. Согласно автору, они связаны с незначительностью двух рассматриваемых проблем, отсутствием необходимости «осваивать новые способы общения с правительством через публичные средства» и с тем, что потенциальная неудача обращения негативно отразится на репутации духовенства [Гарри и др. 2021: 283].

Автор придерживается концепции условных «двух буддизмов»: традиционного/национального и модернистского/глобального, что на примере Монголии было рассмотрено в рецензируемой монографии Й. Эльверского, благодаря чему последний приходит к выводам о гипотетическом возникновении «монгольского буддизма», отличного и независимого от тибетского. Внутри монгольского варианта уже сейчас не наблюдается открытое противостояние между «транснационалистами» и «местными» [Гарри и др. 2021: 141].

В отличие от монгольской ситуации в Бурятии случай с подачей петиций продемонстрировал, во-первых, устойчивость разделения между этими двумя «фракциями», существующую, как минимум, в интернет-пространстве (о чем можно говорить на основании представленных в рассматриваемой главе комментариев, опубликованных в сети [Гарри и др. 2021: 284–285]). Во-вторых, подача петиций показала наличие этнизации и национализации двух буддизмов, когда буддийская идентичность через практики вербализации отдельных представителей этнической общности приватизируется всей этой общностью, члены которой в одностороннем порядке возлагают на себя априорное право включать и исключать адептов по этническому (национальному) признаку в пространство религии, обозначаемой как «традиционный буддизм». Справедливости ради стоит отметить, что в тексте не приводятся открытые мнения информантов в пользу «истинности» именно этнического буддизма, тем не менее подобная точка зрения существует в полевой реальности, с которой я неоднократно сталкивался.

Любопытно, что и на Западе, согласно сообщению А. Бернштейн, высказанному ранее в книге, «зарубежные единоверцы бурят зачастую смотрят на них свысока, считая, что у последних „искаженная“ версия буддизма» [Гарри и

др. 2021: 218]. Все это, как мы помним из раздела Н. В. Цыремпиллова, является следствием и колониально-постколониальных конструирований буддизма.

Позиция рядовых представителей бурятской этнической общности, стоящая вне дискурса об этических исследованиях (на языке культуры и изнутри культуры), является, по сути, проявлением уже выше прокомментированного мною «культурного консерватизма», обозначенного Ш. Вэйжуном в соответствующей главе [Гарри и др. 2021: 85].

В этом контексте происходит замыкание общества внутри себя, а любая попытка постижения общества внешним (в этнокультурном плане) исследователем воспринимается в ряде случаев негативно и не претендует на возможность приближения к истине. Собственно, автор одного из демонстрируемых Б. Ц. Дондуковым комментариев к петиции о закрытии «Будда-баров» предлагает тем, кто пытается указать на необходимость работы со своими оскорбленными религиозными чувствами, «идти подальше», одновременно с этим обозначая самих посетителей бара безапелляционно «свиньями» [Гарри и др. 2021: 285].

Стоит сказать, что автор указывает этническую (национальную) принадлежность (русская женщина, молодой русский мужчина [Гарри и др. 2021: 284]) тех пользователей, кто отказался подписывать петицию и оставил позитивные комментарии, суть которых состоит в том, что Будду, как и буддиста, «оскорбить невозможно» [Гарри и др. 2021: 284]. В связи с этим возникает вопрос: только ли на основании этнической принадлежности комментаторов делается вывод о том, что «подобные комментарии действительно исходят исключительно от буддистов, не являющихся традиционными» [Гарри и др. 2021: 285]?

Автор отмечает, что стойкое неприятие «Будда-баров» и противление этому явлению в среде традиционных буддистов является результатом их религиозного семейного воспитания, которое «формирует определенные чувства по отношению к буддийским образам» [Гарри и др. 2021: 286], отсутствие у нетрадиционных буддистов подобного опыта ведет к тому, что последние «не имеют подобных чувств сакрального, следовательно, не испытывают оскорбления» [Гарри и др. 2021: 286].

Наверное, это является только одной причиной из всего того комплекса обстоятельств, которые стали основанием ажиотажа вокруг «Будда-баров» и, в частности, акцентирования внимания на корреляции положительно-нейтральной и отрицательной позиций в отношении этих заведений.

Ведь далее автор указывает другие причины. Одна из них связана с тем, что многие традиционные буддисты восприняли проблему не как буддийскую, а как национальную «в том контексте, что в каких-то частях России неуважительно относятся к „их“ религии» [Гарри и др. 2021: 287].

И это, пожалуй, ключевое обстоятельство: буддизм считается религией этнической общности бурят, калмыков, тувинцев, что дополняет тезис об этнизации буддизмов, т. е. разграничении традиционных/нетрадиционных буддистов по этнической принадлежности. Дополнением к этому является обозначение этничности/национальности нетрадиционных буддистов — русских комментаторов [Гарри и др. 2021: 284], указанное выше.

Практика этнизации буддизма становится следствием не смешения двух идентичностей (национальной и религиозной), но, скорее, превалирования национальной идентичности, например, бурят буддийского компонента, который И. Р. Гарри в другой своей работе считает одним из «наиболее важных с точки зрения консолидации этноса» [Гарри 2014].

Кроме того, Б. Ц. Дондуков верно отмечает, что сам интернет «стал причиной возникновения проблем» [Гарри и др. 2021: 287]. Без сети многие люди, скорее бы, не узнали о существовании «Будда-баров», а сама специфика общения в интернете, стремящаяся к агрессии и навешиванию ярлыков его участниками друг на друга, не сопоставима с тем диалогом, который мог бы возникнуть между традиционными и нетрадиционными буддистами в оффлайне и, возможно, был бы основан на поиске общности, а не на стигматизации различий.

Монография завершается заключением, в котором суммируются основные сюжеты работы, демонстрирующие взаимосвязь и взаимовлияние буддизма и национализма, выраженное формулой «религия и политика едины» [Гарри и др. 2021: 290–291], а также указателем имен и географических названий и обширной библиографией, состоящей из литературы и архивных материалов на русском, монгольском, китайском и европейских языках.

В книге имеются отдельные географические неточности (например, местность *Зуун мод* в пределах нацпарка *Горхи Тэрэлж* (недалеко от современного Улан-Батора) находится не совсем «в глуби пустыни» [Гарри и др. 2021: 8], а г. *Богд хан* уул располагается на юге столицы, а не на севере [Гарри и др. 2021: 124])⁴, которые, как и явная опечатка (китайско-тибетские переговоры прошли в 1913 г., а не в 2013 г. [Гарри и др. 2021: 99]), нисколько не умаляют колоссальных заслуг авторов и важности изданного труда, который фактически на примере трех обширных регионов открывает проблему соотношения буддизма и национализма во Внутренней Азии. Иллюстративный и картографический материал раскрывает тему в визуальном плане, а прекрасное оформление издания только дополняет положительные эмоции от чтения.

Помимо объемной, разносторонней и глубокой проработки актуальной проблемы, представленной в книге, яркой ее особенностью является наличие международного коллектива авторов, представляющих различные историографические традиции, которые в преломлении тематики рецензируемого издания взаимно дополняют друг друга, обнаруживая естественные грани соприкосновения идей и точки пересечения концептуальных положений исследователей четырех стран.

Несмотря на наличие нескольких авторских стилей, «Буддизм и национализм во Внутренней Азии» читается как единое гармоничное произведение, благодаря безупречной редакторской работе и адаптации переведенных текстов.

Книгу настоятельно рекомендую к прочтению всем, кто в той или иной степени занимается изучением буддийских обществ Монголии, Тибета и Бурятии, а также самим практикующим буддистам в этих регионах.

⁴ Стоит отметить, что используемое не только в рецензируемой монографии, но и в некоторых других изданиях именовании современного государства Монголии (монг. *Монгол Улс*) «Республикой» [Гарри и др. 2021: 1] некорректно и является, скорее, полуанахронизмом, образованным от названия страны, используемого в социалистический период, — Монгольская Народная Республика.

Литература

- Гарри и др. 2021 — Гарри И. Р., Сабиров Р. Т., Цыремпилов Н. В., Родионов В. А., Дондуков Б. Ц., Дрейфус Дж., Вэйжун Ш., Эльверског Й., Бернштейн А. Буддизм и национализм во Внутренней Азии. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2021. 324 с.
- Гарри 2020а — Гарри И. Р. Буддизм и политика во Внутренней Азии // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 1. С. 8–16.
- Гарри 2020б — Гарри И. Культ Авалокитешвары и конкурирующие национализмы сино-тибетского пограничья (1991–1951 гг.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. № 1 (38). С. 13–36.
- Гарри 2014 — Гарри И. Р. Кто мы: буряты, монголы или «дорогие россияне»? // ИА «Информ Полис». 10.03.2014 г. URL: <https://www.infpol.ru/151496-kto-my-buryaty-mongoly-ili-dorogie-rossiyane/> (дата обращения: 06.09.2021).
- Государство 2020 — Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1(38). 304 с.
- Монголия в трудах 2021 — Монголия в трудах генерального консула Российской империи в Урге Я. П. Шишмарева. Некоторые мысли о праве России на Амур в документах и публикациях (к 160-летию Генерального консульства России в Монголии) / сост. А. И. Шинковой, Ю. В. Кузьмин. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2021. 342 с.
- Родионов 2017 — Родионов В. А. Фактор Далай-ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // *Власть*. 2017. № 9. С. 153–157.
- Сабиров 2012 — Сабиров Р. Т. Где «центр» тибетского буддизма в современном мире? // *Цырендорджиевские чтения – 2012 (V): Тибетская цивилизация и кочевые народы Евразии: кросскультурные контакты*. Киев: Полиграфист, 2012. С. 470–486.
- Сабиров 2018 — Сабиров Р. Т. Институт тулку в России: между отсутствием и присутствием // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 4. С. 200–218.

References

- Garri I. Avalokiteśvara cult and competing nationalisms of the Sino-Tibetan borderland. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2020. No. 1 (38). Pp. 13–36. (In Russ.)
- Garri I. R. Buddhism and politics in Inner Asia. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 8–16. (In Russ.)
- Garri I. R., Sabirov R. T., Tsyrempilov N. V., Rodionov V. A., Dondukov B. Ts., Dreyfus G., Weirong Sh., Elverskog J., Bernstein A. Buddhism and Nationalism in Inner Asia. Ulan-Ude: Buryad-Mongol Nom, 2021. xii+324 p. (In Russ.)
- Garri I. R. Who Are We: Buryats, Mongols or ‘Dear Russians’. On: Inform Polis (media outlet). Available at: <https://www.infpol.ru/151496-kto-my-buryaty-mongoly-ili-dorogie-rossiyane/> (accessed September 6, 2021). (In Russ.)
- Rodionov V. A. The Dalai Lama 14th factor in contemporary Mongolia-China relationship. *The Authority*. 2017. No. 9. Pp. 153–157. (In Russ.)
- Sabirov R. T. The *tulku* institution in Russia: between absence and presence. *Siberian Historical Research*. 2018. No. 4. Pp. 200–218. (In Russ.)
- Sabirov R. T. Where is the ‘center’ of Tibetan Buddhism in modern world? In: Tsyrendorzhiev Readings – 2012 (V). Tibetan Civilization and Nomadic Peoples of Eurasia: Cross-Cultural Contacts. Kiev: Poligrafist, 2012. Pp. 470–486. (In Russ.)
- Shinkovoy A. I., V. Kuzmin Yu. (comps.) Mongolia in Works by Ya. P. Shishmarev, Consul General of the Russian Empire in Urga: Some Thoughts on Russia’s Right to Possess the Amur in Documents and Publications (Celebrating the 160th Anniversary of Russia’s Consulate General in Mongolia). Irkutsk: Baikal State University, 2021. 342 p. (In Russ.)
- State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2020. No. 1 (38). 304 p. Available at: <https://religion.ranepa.ru/home/> (accessed September 6, 2021). (In Russ.)